

[reading.club/chapter.php/150171/21/Burovskiii -
_Da_zdravstvuet_Zastoi!.html](http://reading.club/chapter.php/150171/21/Burovskiii_-_Da_zdravstvuet_Zastoi!.html)

5. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. — М.: Сов. Энцикл., 1962—1978 [Электрон. ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-5771.htm> (дата обращения 20.04.2017)
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электрон. ресурс]. — URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 01.04.2017)
7. Семенцов В.С. Бхагавадгита: перевод с санскрита, исследования и примечания В.С. Семенцова [Электрон. ресурс]. — URL: <http://www.orlov-yoga.com/Gita/index.htm> (дата обращения 01.04.2017).

*С. Ю. Чубосова
Россия, Барнаул*

*Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.ф.н., доцент Н.Ю. Абузова*

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАН»

Аннотация

Статья посвящена изучению мифопоэтики Н.С. Лескова на примере повести «Несмертельный Голован», а именно рассмотрение мотива оборотничества, как одного из наиболее частотных и значимых в творчестве автора. Его истоки и видоизменения, семантические наполняющие, признаки и условия.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, архетип, мотив

Мотив оборотничества берет свои истоки в фольклоре, он закреплён в древних мифах как архетипическая схема метаморфоз в русских народных сказках: «Царевна-лягушка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Финист-Ясный Сокол» и др.

Оборотничество – это перерождение, превращение, магическое изменение внешнего вида. Другими словами, это временное, контролируемое или неконтролируемое видоизменение с последующим возвратом к своему первоначальному виду. Так определяет мотив Л.Н. Виноградова.

«Мотив оборотничества в литературе базируется на маскировке, на некоторых тотемических¹ и анимистических² воззрениях о воплощении души человека в животном, растении, предмете, о человеческой или животной сути божеств. В оборотничестве отразились представления о двойной

¹ Тотемизм - некогда весьма распространенная и ныне ещё существующая религиозно-социальная система, в основании которой лежит культ так называемого тотема, который в данном случае - название животного, которому клан оказывает специальный культ // Академический словарь

² Анимизм - вера в существование души и духов, вера в одушевлённость всей природы // Академический словарь

зооантропоморфной³ природе мифологических персонажей»⁴ - , отмечает С.Ю. Неклюдов [4, с. 240-275].

Оборачиваемость – черта, характерная для проявлений потустороннего мира, начиная от времени (вместо дня - ночь), заканчивая взаимозаменяемостью земных норм, общечеловеческих ценностей, сменой обычного уклада, распорядка, поведения, мотивов и желаний.

С.Ю. Неклюдов отмечает: «...оборотничество – это ничто иное как смерть в одном статусе и рождение в другом», т.е. исследователь связывает мотив с процессом/ритуалом инициации.

Мотив оборотничества берет истоки в фольклоре и характеризуется сменой состояния, заключающейся в преодолении пространственных и временных границ, в ходе которого, герой переживает действительное состояние слабости и физической боли.

В зарубежной литературе мы сталкиваемся с различными образами оборотня (в европейском фольклоре - человек-оборотень, становящийся волком, медведем; в китайском - лис-оборотень). Эти образы находят место в произведениях многих авторов волшебного-фантастических и романтических произведений (Пу Сун-Лин в Китае, С. Т. Колридж в Англии, А. фон Арним в Германии, П. Мериме во Франции и др.).

Русские писатели также прибегали к мотиву оборотничества в своих произведениях (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила», Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь, или Утопленница», «Вий», М.Е. Салтыков-Щедрин, «Пошехонская старина», А.И. Куприн, «Оборотень», М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», др.

Для Н.С. Лескова, увлекавшегося русским фольклором, творчеством Н.В. Гоголя, обращение к теме оборотничества закономерно (например, «Несмертельный Голован», «Зверь», «Пугало»).

Так, в повести Лескова «Несмертельный Голован» (1880) из цикла «Праведники», оборотничество представлено через смешение границ человеческого и животного. В повести это обретение человеком животной силы, мощи, некоего дара, который находится под контролем главного героя.

Мотив актуализируется уже в описании персонажа, представленного в традиционной для мотива оборотничества ситуации «борьба волка-оборотня с собакой»: «...надо всем этим стояла огромная человеческая фигура с огромною головою, и она взяла и понесла бешеного пса. Во все это время лицо человека улыбалось...» [3, с.130] – герой предстает в характеристиках зверя – огромного и мощного. «Взяла и понесла» именно *фигура* – это говорит о том, что существо по очертанию тела, примерной его фактуре лишь напоминало

³ Зооантропоморфизм - наделение людей качествами животных. Очень часто используется для обозначения представления [богов](#) в образах [животных](#), а священных животных — как воплощение сущности богов //академический словарь

человека, но, вероятно, мешали признать его таковым характеристики животного.

«Я, конечно, не помню, откуда взялась взбешенная Рябка и куда ее дел Голован, после того как она захрипела, барахтаясь лапами и извиваясь всем телом в его высоко поднятой железной руке; но я помню момент... *только момент*. Это было как при блеске молоньи среди темной ночи» [3, с.130] - спасая ребенка, Голован выступает защитником. Издревле люди приручали собак для охраны себя и своей семьи. Мотив оборотничества проявляется в принятии модели поведения животного у человека, т.е. в зооантропоморфизме.

«В одном таком моменте я как сейчас вижу перед собою огромную собачью морду в мелких пестринах – сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пены в синеватом, точно напмаженном зеве... оскал, который хотел уже защелкнуться, но вдруг верхняя губа над ним вывернулась, разрез потянулся к ушам, а снизу судорожно задвигалась, как голый человеческий локоть, выпятившаяся горловина» [3, с.132]. При этом *улыбка* Голована, по своей семантике, - показатель положительных эмоций, но в тексте проиллюстрирована опасная ситуация, нападение «взбешенной Рябки» на ребенка, и то, как Голован справился с псом. Оскал бешеной Рябки и улыбка человека - два зверя, сражающихся в поединке и «переворачивающие» его семантику: домашний пес – зло; «волк» - добро.

Далее Лесков уделяет внимание описанию тела «оборотня»: «В нем было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков; сложение имел широкое, сухое и мускулистое; он был смугл, круглолиц, с голубыми глазами, очень крупным носом и толстыми губами» [3, с.133]. Лесков сравнивает Голована с Петром Великим не только по росту, но и прослеживает тождество по социальной роли: власть Голована перед народом, его покровительство, его кормильческая, «материнская» сущность исподволь сравнивается с ролью «царя-батюшки» Петра I. Кроме того, этот эпизод скрыто аллюзирует к пушкинской «Полтаве», к сцене Полтавского боя. Пётр – защитник:

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами [10].

Тема оборотничества развивается Лесковым далее: «Одевался Голован мужиком - всегда, летом и зимою, в пеклые жары и в сорокаградусные морозы, он носил длинный, нагольный овчинный тулуп, весь промасленный и почерневший. <...>и отец мой, помню, частенько шутил над этим тулупом, называя его «вековечным» [3, с.136] - важной деталью в рассматриваемом аспекте мотива, является то, что герой носил тулуп мехом внутрь. Истолковать это можно следующим образом: тулуп-шерсть на голом теле - отсылка к образу животного. Но с учетом описания сильной и большой мужской фигуры тулуп мехом внутрь подчеркивает и человеческое и невоинственное начало героя (Ср: Геракл, носивший на теле шкуру убитого им немейского льва мехом наружу как символ своей воинственности).

Стоит учесть, что спасенного ребенка Голован носит за пазухой: «...тулуп содержался в опрятности от всяких мелких жильцов – это я знал лучше других, потому что я часто сиживал у Голована за пазухой, слушая его речи, и всегда чувствовал себя здесь очень покойно» [3, 140], т.е. внутри тулупа тепло и безопасно. Кроме того, материнская ипостась героя проявлялась в том, что он, являясь молаканом (поставщик молока – народная этимология слова «молакан»), является кормильцем. И в итоговом сравнении Голован с оборотнической стороны – хищное животное, а с другой и главной – домашнее, млекопитающее, помогающее в быту и охраняющее от напастей и недругов.

Свою животную сущность, звериную мощь он контролирует, берет верх над потусторонним миром. В связи с этим актуализируется фразеологизм «волк в овечьей шкуре». По описанию хищного, мощного, сильного животного с оскалом справедливо предположить, что это волк. «Овечья шкура» привносит в тексте мотив агнеца – жертвенного, смиренного и покорного животного, создавая двойную ипостась зверя «хищник-жертва».

Далее писатель очерчивает «ареал обитания» зверя: «Голован жил, впрочем, не в самой улице, а «на отлете». Постройка, которая называлась «Головановым домом», стояла не в порядке домов, а на небольшой террасе обрыва под левым рядом улицы. Площадь этой террасы была сажен в шесть в длину и столько же в ширину. Это была глыба земли, которая когда-то поехала вниз, но на дороге остановилась, окрепла и, не представляя ни для кого твердой опоры, едва ли составляла чью-нибудь собственность. Тогда это было еще возможно» [3, с.141]. Важной деталью является то, что жил Голован поодаль от других, в этом его обособленность, замкнутость, проявление его самости.

Символика дома важна в литературе: дом – очаг, приют, родина, «родное пепелище», модель мира. В повести эти функции выполняет «сарай», так называют дом Голована местные жители: «Голованову постройку в собственном смысле нельзя было назвать ни двором, ни домом. Это был большой, низкий сарай, занимавший все пространство отпавшей глыбы» [3, с.141].

Описание пристройки больше подходит для держания хозяйства, скота, чем для жилья с человеческими условиями. Важно и то, что своеобразный ковчег Голована «...был так велик, что оба отделения – жилое и скотское – были очень просторны, но, несмотря на всю о них заботливость, плохо держали тепло. Впрочем, тепло нужно было только для женщин, а сам Голован был нечувствителен к атмосферным переменам и лето и зиму спал на ивняковой плетенке в стойле, возле любимца своего – красного тирольского быка...» [3, с.142]. Таким образом, Голован – часть животного мира, его дом – в «скотской» половине сарая. И там же его друг, любимец, бык Васька. Не зря быку дано человеческое имя. Это говорит о том, что происходит полное смешение человека и животного, что граница между ними в «доме» Голована сдвигается, обретает противоположные смыслы, стирается, становится неощутимой (Ср:

миф о Минотавре, критском быке, в облике которого соединены воедино и человеческие, и животные черты).

Писатель приводит очередной эпизод, в котором Голован предстает защитником людей, обладающим нечеловеческим даром. Героя обступают многие болезни, которые «прилипают» ко всем - «люди начали здесь умирать «сплошь и без всякой помощи», – и вдруг там, на ниве смерти, появился с изумительным бесстрашием Голован. Он, вероятно, знал или думал, будто знает, какую-то медицину, потому что клал на опухоли больных своего приготовления «кавказский пластырь»; но этот его кавказский, или ермоловский, пластырь помогал плохо: «Пупырухов» Голован не вылечивал, так же как и Андросов, но зато велика была его услуга больным и здоровым в том отношении, что он безбоязненно входил в зачумленные лачуги и поил зараженных не только свежей водою, но и снятым молоком, которое у него оставалось из-под клубных сливок» [3, с.150]. Без страха герой помогает людям, кормит, ухаживает за ними, реализует в повести мотив личности.

«Язва Голована не касалась. Во все время, пока она свирепствовала в слободах, ни сам он, ни его «ермоловская» корова с бычком ничем не заболели; но этого мало: самое важное было то, что он обманул и извел, или, держась местного говора, «изништожил» саму язву, и сделал то, не пожалев теплой крови своей за народушко» [3, с.155]. Справедливо говорить о жертвенности Голована: ради народа, принося в жертву себя, он отрезает кусок плоти (только так можно избавиться от «пупырухов»), чтобы не заразить никого и дальше пригодиться и помочь людям.

Важно то, как он проводит этот обряд: «Голован заметил косаря и, встав на ноги, в одной рубахе, громко крикнул ему: – Малец, дай скорей косу! - малец принес косу, а Голован говорит ему: – Поди мне большой лопух сорви, – и как парень от него отвернулся, он снял косу с косья, присел опять на корточки, оттянул одною рукою икру у ноги, да в один мах всю ее и отрезал прочь. Отрезанный шмат мяса величиною в деревенскую лепешку швырнул в Орлик, а сам зажал рану обеими руками и повалился» [3, с.158]. Образ косаря – сама смерть («язва»), которой Голован и приносит жертву во имя своего народа. Встреча с косарем – некий контакт с потусторонним миром, который происходит в пограничной ситуации: Голован переплывает реку (плывет из безопасного, незараженного морем мира, в инобытийный, откуда за ним наблюдает косарь).

«Услышавшие про это сразу догадались, что Голован это сделал неспроста, а что он таким образом, изболясь за людей, бросил язве шмат своего тела на тот конец, чтобы он прошел жертвицей по всем русским рекам из малого Орлика в Оку, из Оки в Волгу, по всей Руси великой до широкого Каспия, и тем Голован за всех отстрадал, а сам он от этого не умрет, потому что у него в руках аптекарев живой камень и он человек «несмертельный». Голован знал, что и зачем делает. Аптекарев беззар-камень – находка, которую Голован использует не в своих целях, а опять же во благо народа всего» [3, с.161]. Цепь

совершенных Голованом поступков закрепляет за героем ореол праведности: смысл его жизни в любви ко всему народу и в том, что других Голован всегда ставит на первое место. В этом его жертвенность собой ради блага других. Следует отметить, что образ жертвенника и мученика-агнца прослеживается на протяжении всего произведения, что тоже является выражением его *оборотности*: герой постепенно, шаг за шагом, раскрывает свою скрытую сущность.

После случая на Орлике Голован почти не пострадал «...с той поры мало-помалу ходить начал и снова за свое дело принялся. Здоровье его, по-видимому, нимало не пострадало, но только он «шкандыбать» стал – на левую ножку подпрыгивал» [3, с.162]. На правую ногу он наступал твердою поступью, а с левой подпрыгивал - это важная деталь, т.к. ноги - одна из самых мифологизированных частей человеческого тела. Они подчёркивают фундаментальное биологическое отличие человека от животных — его прямохождение, они связаны с хтоническим началом, поскольку более других частей тела приближены к земле и с ней соприкасаются: «на одну ступал твердо» - человеческое, «с другой подпрыгивал» - оборотническое начало («потустороннее»), которое закрепляется после жертвоприношения, интерпретируемого как перерождение.

В повести Головану уготовано не только физическое, но и нравственное испытание: он вынужденно страдает от «мнимого греха» - ситуации с Павлагеюшкой и ее злосчастным гражданским супругом Фрапошкой, который помыкает Голованом. Ситуация мнимой вины разрешена в повести двояко: с одной стороны, Голован смиряется перед Фрапошкой (такое поведение символизирует безусловную морально-нравственную победу Голована); с другой стороны, через много лет становится известно, что грех Голована мнимый. Такой исход вновь позиционирует героя как «покорного агнца».

Таким образом, мотив оборотничества у Лескова демонстрирует двойственную природу героя и выступает обманым, ложным. Для писателя важны христианские добродетели человека, которые проявляются на каждом судьбоносном этапе человеческой жизни-метаморфозы.

Список литературы

1. Доманский, Ю. В. Архетипические мотивы в русской прозе XIX века: автореф. дис. канд. филол. наук / Ю. В. Доманский. — Тверь, 1998. Телегин, С. М. Жизнь мифа в художественном мире Достоевского и Лескова / С. М. Телегин. — М., 1995, - 232 с.
2. Кедров, К. А. Фольклорно-мифологические мотивы в творчестве Н. С. Лескова / К. А. Кедров // В мире Лескова: сб. ст. - М., 1983, 41 с.
3. Лесков Н.С., Собрание сочинений: «Несмертельный Голован» т. 2, - СПб., 1889, 126–180 с.
4. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа/ Е. М. Мелетинский. 3-е изд., репринтное. - М.: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 2000. - 406 с.

5. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография: [монография] / Д.К. Зеленин; [пер. с нем. К. Д. Цивина]. - М. : Наука, 1991. – 507 с.
6. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. М.: Лабиринт, 1998. - 512 с.
7. Петров, Н. В. Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: модели эпического нарратива: автореф. дисканд. филол. наук / Н. В. Петров. М., 2007. - 24 с.
8. Телегин, С. М. Мифологические мотивы в творчестве писателей 60-80-х годов XIX века (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков) / С. М. Телегин // Литературные отношения русских писателей XIX - начала XX вв. - М., 1995., -180 с.
9. Шкута, Г. А. Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н. С. Лескова: мифопоэтический аспект / Г. А. Шкута. - Барнаул, 2005, - 198 с.
10. Пушкин, А.С. Полтава [Электронный ресурс] / А.С. Пушкин. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/pushkin_aleksandr_sergeevich/poltava/read/. – Заглавие с экрана.

Е. С. Сукач
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент О. И. Плешкова

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РАССКАЗА В. ОСЕЕВОЙ «ПОЧЕМУ?»

Аннотация

В работе впервые представлена попытка рассмотрения художественных особенностей рассказа В. Осеевой «Почему?» Произведение входит в круг детского чтения, и до настоящего времени рассматривалось только с точки зрения нравственно-педагогического потенциала содержания.

Ключевые слова: детская литература, художественная система, рассказ, художественное пространство, инициация.

Рассказ Валентины Осеевой «Почему?» входит в круг детского чтения. Все рассказы В. Осеевой, в том числе и «Почему?», повествуют о жизни детей и, самое главное, они являются поучительными историями.

В рассказе «Почему?» повествуется о том, как мальчик разбил папину чашку и побоялся сказать об этом маме, поэтому всю вину переложил на пса